

Цянь У вдруг замолчал, словно о чем-то задумавшись. Его взгляд метнулся к маленькой комнате, из которой он только что вышел, и он спросил:

— Брат Чаншэн, кто это там внутри?

Жун Чаншэн скорчил такую кислую мину, что его и без того свирепое лицо стало выглядеть еще страшнее. Впрочем, сейчас ему было не до этого — он был слишком обеспокоен.

Осторожно принимая Ди Ло, он тревожно ответил:

— А кто там еще может быть? Все тот же книжник. Правду говорят: от учености проку мало. Ему спину чуть не располосовали, не знаю даже, выживет ли — рана до того жуткая, смотреть страшно.

— Как, и Сяо Ло тоже здесь? Ну и братья, право слово: даже ранения умудрились получить одновременно. С Сяо Ло-то хоть все в порядке?

Старик наконец поверил, что перед ним действительно юноша. Он цокнул языком: мир велик, чего только не бывает — оказывается, и правда есть парни с лицами, как у девиц. Помедлив, он поманил их рукой:

— Идите сюда, идите, дайте-ка я взгляну на раны.

— Ой.

— Не нужно.

Оба голоса прозвучали одновременно. Старик, уже было разозлившийся и собиравшийся отчитать их — мол, кто тут врач, я или вы — вдруг почувствовал неладное. Он резко обернулся и встретился взглядом с парой уставших глаз: Ди Ло пришла в себя.

Жун Чаншэн, чье лицо до этого выражало лишь суровую свирепость, при виде очнувшейся Ди Ло заметно смягчился, даже глаза его, казалось, заулыбались:

— Сяо Ло, ты в порядке?

Ди Ло слабо улыбнулась:

— Пустяки, все хорошо. Здесь столько раненых, не хочу создавать лишних хлопот. Господин, будьте добры, выпишите мне мазь для ран да что-нибудь от воспаления и жара, этого будет достаточно.

Старик нахмурился, выражая недовольство:

— Что такое? Ты у нас тоже лекарь?

Ди Ло скромно растянула губы в усмешке. Она хотела улыбнуться, но от боли во всем теле

улыбка вышла вымученной. Глубоко вздохнув, чтобы перевести дух, она ответила:

— В нашей семье раньше торговали лекарственными травами. Хотя я не врач и не владею искусством врачевания, но, насмотревшись на это с детства, кое-что смыслю в том, какие снадобья принимать.

Цянь У и Жун Чаншэн переглянулись, скрывая удивление. Впервые они слышали о том, чем раньше занималась семья Ди Ло.

— Ну надо же, еще и знает, что принимать. Не боишься отравиться? — старик нетерпеливо фыркнул, но спорить не стал. Во-первых, у нее были только внешние повреждения, а не болезнь, а во-вторых, в его лавке уже яблоку негде было упасть, он едва справлялся с потоком пациентов — пока они говорили, принесли еще нескольких раненых.

Раз уж она знает, что ей нужно, он просто выпишет рецепт. Старик махнул рукой, достал из аптечки несколько баночек с мазью для заживления ран, передал их Цянь У, а затем набросал список лекарств и наказал:

— Сходи в аптеку на востоке города, ее держит один молодой человек. У меня запасы уже на исходе.

— Хорошо.

Цянь У согласился, попросил Жун Чаншэна присмотреть за Ди Ло и помчался за лекарствами. Жун Чаншэн взял Ди Ло на руки и отнес во внутреннюю комнату.

Среди множества раненых Ди Ло сразу увидела Чжао Шисаня. Он безжизненно лежал на кровати, его обнаженная спина была почти полностью рассечена, кровь залила всю постель. Вид у раны был пугающий, и Ди Ло, закусив губу, невольно замолчала.

Оказывается, ее ранения были легче, чем у него.

Главное преимущество заключалось в том, что у нее был Ди Цзю — этот живой «острый клинок», который давал ей советы. А у Чжао Шисаня не было никого, он пробивался сам. Она ведь еще недавно злилась на него, но, если вдуматься, с самого призыва в армию и до прибытия в Пограничный лагерь именно Чжао Шисань всегда заботился о ней. Ей не следовало отдаляться от него только ради того, чтобы скрыть свою тайну. Видя, как он страдает, она чувствовала себя ужасно.

Ди Ло с трудом приподнялась на руках Жун Чаншэна и посмотрела на лицо Чжао Шисаня. В душе она тяжело вздохнула: он ведь по натуре книжник, руки не приспособлены к тяжестим. Выкарабкается ли он на этот раз?

Вот она какая, война — даже просто выжить бывает трудно.

В комнате воцарилась тишина. Лишь спустя долгое время Жун Чаншэн нарушил молчание:

— Давай я помогу тебе обработать раны.

— Брат Жун, я вся в крови, на поле боя пришлось повалиться, ужасно грязная. Здесь тесно, не мог бы ты найти мне постоянный двор, чтобы я могла сначала отмыться?

Пока Ди Ло предавалась философским размышлениям, слова Жун Чаншэна застали ее врасплох. Она едва сдержала лицо, но за последние месяцы, проведенные в мужской компании, набралась опыта — теперь она могла сохранять невозмутимость даже перед лицом катастрофы. С трудом растянув губы в улыбке, она лихорадочно соображала, как бы поаккуратнее отказаться.

Ди Ло казалось, что она умело скрывает свою тревогу, но Жун Чаншэн, немало повидавший на своем веку, все же заметил ее беспокойство. Сердце его сжалось, и, не раздумывая, он кивнул:

— Хорошо. Сначала найдем тебе гостиницу, пусть старый лекарь пока присмотрит за Чжао, а когда вернется Цянь У, я пришлю его к тебе помогать.

— Цянь У...

Ди Ло хотела сказать, что в этом нет нужды и она справится сама, но, подумав, прикусила язык. Они все — товарищи, прошедшие через огонь и воду, если никто не будет за ней присматривать, Жун Чаншэн точно не успокоится. Кивнув, она согласилась.

Жун Чаншэн вышел, попросил старого лекаря присмотреть за Чжао Шисанем и пообещал скоро вернуться. Старик, отвлекаясь от дел, буркнул:

— Само собой. Раз уж они попали ко мне, значит, они мои пациенты, а за пациентами нужен уход.

Закончив, старик снова погрузился в осмотр новых раненых. Жун Чаншэн поблагодарил его, вернулся и подхватил Ди Ло на руки.

Ди Ло: «...»

Она была против, но идти сама была не в состоянии. Боль, которую она старалась игнорировать, начала пульсировать с новой силой, конечности сводило судорогой. Раз идти она не могла, пришлось смириться с тем, что ее несут, и принять на себя любопытные взгляды прохожих.

Впрочем, прохожие не находили в поведении Жун Чаншэна и Ди Ло ничего двусмысленного.

Жун Чаншэн был уже зрелым мужчиной под сорок, а Ди Ло — еще безусым юнцом. К тому же вид окровавленного мальчишки вызывал лишь жалость.

Война на границе была в самом разгаре, и никто не знал, сколько еще продержится этот город. Если армия цзиньцзяней пойдет в наступление, всем жителям придется бежать. Но пока они могли жить в своих домах, и хотя понимали, что это спокойствие зыбко, они осознали: их мирная жизнь куплена ценой крови воинов на передовой. Видя, как совсем юные мальчишки уже участвуют в боях, люди испытывали только глубокую благодарность.

О чем думали горожане, Жун Чаншэн и Ди Ло не знали — они мечтали лишь поскорее найти ночлег.

Они прошли всего один квартал и свернули за угол, где висела старая вывеска. Жун Чаншэн поднял голову, прочел название и легонько толкнул дверь гостиницы. Но войти они не успели: навстречу им, выбежал перепуганный хозяин. Он не приглашал их внутрь, а, наоборот, жестом просил уйти.

— Ой-ой, господин военный, у нас тут заведение маленькое, вы в крови, боюсь, накличете беду. Не то чтобы мы не хотим вас принять, просто... прошу, поймите нас правильно.

Жун Чаншэн замер. Его свирепый взгляд впился в хозяина. Человек, привыкший убивать, излучал такую ауру, что хозяин, не вымолвив ни слова, начал дрожать всем телом.

— Ха, давно известно, что в гостинице Лайфу работают бессердечные люди. Я-то думал, вы просто выживаете, как можете, а оказывается — нет.

В этот момент из-за спины послышался насмешливый голос. У дверей стояла женщина, окруженная толпой зевак. Женщина посмотрела на побагровевшее лицо хозяина, грациозно шагнула внутрь и перевела взгляд с Ди Ло на мрачного Жун Чаншэна.

Под пристальным взглядом женщины Жун Чаншэн почувствовал странную дрожь, пробежавшую от пяток до затылка. Ему даже показалось, что в глазах незнакомки мелькнула какая-то странная обида.

Женщина слегка скривила губы в усмешке:

— Скажите, господин Чэнь, если ваша семья узнает, как вы себя ведете, что они скажут? Эти люди защищают наши границы от цзиньцзяней, а вы не только не поддерживаете их, но даже отказываете в ночлеге, когда они оказывают вам честь своим визитом?

Хозяин по фамилии Чэнь был раздражен этими словами:

— Разве я не прав? Я лишь сказал, что заведение у нас небольшое, и боюсь, что кровь господина военного принесет несчастье. Что в этом такого? Если вам не страшно, приглашайте их к себе!

— Разумеется! Я не такая близорукая, как вы. Я как раз и пришла, чтобы позвать господ к себе.

Сказав это, женщина гордо похлопала Жун Чаншэна по плечу и громко скомандовала:

— Идемте!

От этого хлопка Жун Чаншэн невольно вздрогнул. Где-то в глубине души шевельнулось странное чувство узнавания. Он обернулся, посмотрел на пышную талию женщины и ее грациозную походку, и на мгновение замер. Лицо казалось таким знакомым...

Вдруг он почувствовал, как Ди Ло легонько дернула его за рукав и, бледная, слабо улыбнулась. Улыбка эта была какой-то странной.

Он тихо выругался про себя и поспешил за женщиной. Но, сделав шаг, Ди Ло, выглянув из-за плеча Жун Чаншэна, холодно бросила хозяину гостиницы:

— Принимаешь ты нас или нет — неважно. Пока ты живешь на землях Великой Цзинь, мы, военные, будем защищать тебя. И не думай, что мы будем мстить — у нас на это просто нет времени.

Сказав это, она заставила толпу зевак притихнуть. Кто-то одобрительно выкрикнул, что сказано верно: они прямо заявили, что не будут чинить неприятностей, а уж хозяину самому решать, стыдно ему или нет оставаться здесь после такого.

Хозяин гостиницы застыл на мгновение, а затем со злостью и стыдом захлопнул дверь.

Вслед за женщиной Ди Ло и Жун Чаншэн пришли в гостиницу напротив, которая, судя по всему, открылась недавно. Хозяйка даже не стала брать задаток, широким жестом выделила им лучшую комнату и велела слугам нести горячую воду.

Жун Чаншэн с помощью женщины осторожно уложил Ди Ло на кровать и положил лекарства, которые дал Цянь У, на подушку.

— Подожди немного, сейчас принесут горячую воду, — сказал он. — Я схожу проверю, как там Шисань, а потом пришло Цянь У, чтобы он присмотрел за тобой.

— Угу.

Ди Ло кивнула, глядя, как Жун Чаншэн решительно выходит из комнаты. Женщина ласково улыбнулась ей, поправила одеяло и тоже вышла.

Когда дверь закрылась и наступила тишина, Ди Ло с трудом села. Она приподняла одежду и посмотрела на жуткий шрам на животе. Стиснув зубы, она поклялась себе, что за все эти раны,

за каждую царапину ответит народ цзиньцзянь. У нее с ними кровная вражда, несовместимая с жизнью.

Ах да, еще и этот Император Цзинь. Никто из них не уйдет от расплаты.

Ди Ло стиснула зубы так, что, казалось, они вот-вот раскрошатся, но это движение потревожило рану, и она невольно охнула.

Многие мелкие порезы уже затянулись и покрылись корками, но кожа выглядела как изрытое поле. Она вздохнула: тело ее теперь навсегда изуродовано.

Женщины больше всего дорожат своей нежной кожей. До того как ее дом был разрушен, она слышала от невестки, что чем белее и чище кожа у женщины, тем больше она нравится мужчинам. Похоже, ей уже никогда не выйти замуж, не найти любимого человека. Ее жизнь среди мужчин — это позорное пятно. К тому же она не могла гарантировать, что долго будет скрывать свою личность. Раскроется — ждет смерть. Остается лишь надеяться, что удастся продержаться еще хоть немного.

Внезапно раздался стук в дверь. Она подняла голову:

— Господин военный, вы спите? Можно принести воду?

— Входи, — ответила Ди Ло, поправляя одежду.

Дверь открылась, вошли двое молодых слуг, поставили бадью с водой за ширму, вежливо улынулись и вышли. Ди Ло, убедившись, что дверь закрыта, встала, проверила засов, подошла к ширме и опустила руку в воду. От пара поры раскрылись, она с наслаждением вздохнула и плеснула водой на лицо, смывая запекшуюся кровь.

С трудом сняв одежду, она, опираясь на край бадьи, осторожно залезла в воду. От жара раны пронзила острая боль, во рту выступила слюна, руки дрожали, но она стиснула зубы и терпела.

Через долгое время боль немного утихла. К счастью, раны больше не кровоточили, но вода в бадье окрасилась в темно-красный цвет.

Она поспешно закончила мыться и только собралась выйти, как дверь с силой толкнули. Она не поддалась, и человек снаружи принялся стучать — «бум-бум-бум», неужели испугался, что с ней что-то случилось?

— Ло-цзы, ты внутри? Все в порядке? Открывай! — раздался тревожный голос Цянь У.

Ди Ло судорожно схватила валявшуюся на полу одежду, но та была грязной и рваной. Она замерла — совсем забыла взять чистое. Пришлось натягивать то, что было.

Пока она молчала, Цянь У уже перешел от стука к попыткам выломать дверь.

— Ты в порядке? Ло-цзы, ты упал в обморок? Открывай! Если не откроешь, я выбью дверь!

— Чего ты ломишься? — слабым голосом отозвалась Ди Ло. — Я только помыться решил, а ты уже вернулся. Подожди, сейчас оденусь и открою.

— Помыться? Какое мытье? У тебя раны кровоточат, а ты в воду лезешь? Заражение будет! Ты оделся? Открывай!

Через минуту Ди Ло медленно открыла дверь. Цянь У ворвался внутрь, нахмурившись:

— Как ты мог лезть в воду с ранами? Почему не подождал, пока я вернусь и помогу?

«Думаешь, я не знаю про заражение? Просто боялся, что ты вернешься слишком быстро и все раскроется».

Ди Ло закатила глаза, но промолчала. Цянь У продолжал ворчать, схватил Ди Ло за плечо и, увидев ее одежду, снова нахмурился:

— Это тряпье совсем грязное. Жди здесь, схожу за новой одеждой.

Не успел он закончить, как исчез, словно вихрь, и через мгновение вернулся.

— Ты...

Цянь У хотел командовать Ди Ло, чтобы она снимала грязное и ложилась в постель для перевязки, но не успел договорить, как Ди Ло, поморщившись и прикрыв нос, посмотрела на него с отвращением:

— Фу, воняет. От тебя кровью несет. Сначала сам помойся.

Цянь У замолчал, понюхал свой рукав и чуть не задохнулся от запаха. Он с детства не выносил грязи, малейший неприятный запах вызывал у него зуд, будто тысячи муравьев ползали по коже. Ему нестерпимо хотелось помыться. Но раны Ди Ло...

Он на мгновение заколебался, и этот момент не ускользнул от внимания Ди Ло. Она помахала рукой:

— Иди, иди, беги скорее. Пока ты будешь мыться, я как раз успею обработать раны.

Подумав еще немного, Цянь У решил, что сначала все же помоемся, иначе он просто не выдержит:

— Ло, ложись там. Сейчас придут слуги, переоденешься, а потом я тебя перевяжу. Я быстро, очень быстро!

«Быстро он, как же».

Ди Ло невольно улыбнулась, но подавила смешок и кивнула:

— Хорошо, хорошо, не волнуйся.

Дождавшись, пока Цянь У выйдет за слугами, чтобы сменить воду, Ди Ло наконец выдохнула. Она радовалась — удалось избежать беды. Если бы она не знала Цянь У так хорошо, вряд ли ей удалось бы так легко его спровадить.

На самом деле, во всем лагере, кроме нее, только Цянь У был таким помешанным на чистоте. Она изучила повадки всех, чтобы хоть иногда иметь возможность спокойно помыться. Только Цянь У был настолько дотошным — после каждой тренировки он мылся, мыл ноги, был одержим чистотой до безумия.

Ди Ло потерла нос. Честно говоря, она до сих пор не привыкла к тому, что мужчины ходят перед ней нагишом, но они, похоже, обожали это делать. Что поделать?

Вскоре Цянь У вернулся со слугами, они заменили воду, и, как только дверь закрылась, он ловко разделся догола и с наслаждением погрузился в воду. Горячий пар заставил его блаженно застонать, он накрыл лицо полотенцем.

Ди Ло: «...»

Как же это неловко!

К счастью, неловкость длилась недолго: вернулся слуга с четырьмя комплектами одежды, передал их Ди Ло и вышел.

Ди Ло, чувствуя себя воровкой, украдкой взглянула на Цянь У — тот блаженствовал с закрытыми глазами. Она быстро запрыгнула на кровать, спряталась за пологом и начала судорожно переодеваться.

От каждого движения раны болели так, что лицо ее то бледнело, то темнело, в глазах плыло. Наконец одевшись, она обнаружила, что спина взмокла от пота, который попал на раны, вызывая нестерпимую боль и зуд.

— Ло-цзы, ты чего там возишься?

<http://bllate.org/book/20963/2127249>